

Культура. — 2005. —
2 марта. — с. 15

Моцарт, и несть ему конца

Предъюбилейные празднества в Зальцбурге

Через год исполнится 250 лет со дня рождения величайшего музыканта всех времен и народов — и, наверное, величайшего австрийца — Вольфганга Амадея Моцарта. Моцарт — это “наше всё” не только для Австрии, но и для всех меломанов мира. Австрия вообще-то испытывает комплекс неполноценности в отношении своего гения: Зальцбург служил композитору не слишком золотой клеткой, откуда было не так уж легко выпархивать, а Вена и вовсе стала местом тщетных трудов, социальных унижений и горькой безвременной смерти. Многие города Европы — и прежде всего Прага — были к Моцарту благосклоннее, чттили его щедро и пышно.

Но все равно Зальцбург — место паломничества, потому что здесь есть дом, где Моцарт родился, дом, где он жил со своими родителями, дворцы, церкви и университет, где впервые исполнялись многие его сочинения. Здесь есть международный фонд “Моцартеум”, организующий разнообразные празднества и деловые мероприятия, и университет “Моцартеум”, где учат исполнять Моцарта “как надо”. К слову сказать, былая слава университета “Моцартеум” поблекла: несколько лет назад выяснилось, что в главном здании использованы опасные для здоровья людей материалы, и кто-то из профессоров заглянул за это тяжелой болезнью и смертью; теперь учебные помещения раскиданы по всему Зальцбургу; нынешний преподавательский состав университета вряд ли можно назвать звездным, играть Моцарта “как надо” учат теперь в других местах.

Зато фонд “Моцартеум” делает уй-

му полезных дел. В год двухсотлетия со дня рождения Моцарта, то есть в 1956-м, организовали зимнюю Моцартовскую неделю, приуроченную к непосредственной дате рождения великого зальцбургца — 27 января. С тех пор она проходит каждый год и стала по-настоящему интернациональной. Таксисты говорят, что в эту неделю в Зальцбурге всегда идет снег. Вот и в этот раз город накрыло белым ковром, и непривычно морозный воздух ступил над предальпийским городом...

Пятидесятая Моцартовская неделя сгруппировала в серию концертов произведения, написанные Моцартом в годы “зальцбургского пленения” и больших турне по странам Европы вплоть до его своевольного бегства в Вену, — десятилетие до 1780 года означало окончательное превращение вундеркинда в зрелого художника.

Фестиваль сделал своим духовным ядром два сценических произведения — оперу-серию “Идоменей”, которая проложила путь к новаторским “Свадьбе Фигаро” и “Дон Жуану”, и незаконченный зингшпиль “Заида”, свежие образы которого предвосхищают “Похищение из сераля” и “Волшебную флейту”. “Идоменею” посвятили большую выставку в танцмейстерском зале Дома-музея Моцарта, видеопозакази разных театральных интерпретаций “Идоменея” стали основой видеомастерской при фестивале, концертное исполнение “Идоменея” в переполненном Большом зале Фестшпиляхауса дало пышный старт многочисленным фестивальным мероприятиям.

Д. Хардинг

“Идоменея” исполняли Малеровский камерный оркестр и Зальцбургский Баховский хор — коллективы с отличной репутацией. Главный дирижер оркестра — молодой англичанин Дэниел Хардинг — снискал бешеные восторги публики и критики. Особенно запомнилось всем сотрудничество Хардинга с великим Питером Бруком в Эко-ан-Провансе, результатом чего стала необычная, странноватая, да-

же диковатая запись “Дон Жуана”. Хардинг — художник жестко-современный, ему чужды нежность и лирика, его инструменты — сухая игла, дающая резкую графику; твердый резец, граничащий резкие драматические жесты; пряные, горькие тембры, дающие ощущение трагической напряженности. Хардинг никогда не гонится за декоративной красотой, пленительной орнаментальностью,

цель его поиска — внутренняя суть происходящего.

Дирижер нашел достойных партнеров в главных исполнителях. Особо следует сказать об интерпретации роли Идоменея Изном Бостриджем — сорокалетним английским певцом, поскольку он занимает особое место в сегодняшней табели о рангах мировой вокальной элиты. Как Чечилия Бартоли сегодня определяет технические и чувственные супервозможности вокала как такового, так Бостридж доводит до границ возможного интеллектуально-психоаналитическую интерпретацию музыкального опуса. Многочисленные записи Бостриджа расширили представление об экзистенциальном потенциале мировой музыки.

Голос Бостриджа — скорее типично английский характерный тенор со щемящей “слезой” — вообще-то не подходит для партии Идоменея. Но певец с головой уходит в смысл роли, страшная угнетенность человека, которому волей судьбы надо убить собственного сына, насыщает сам голос обертонами неизбывной тоски, тревоги, отчаяния, и постоянный стресс героя передается залу. В большой арии второго акта, где Моцарту удалось спустить все тревоги в плотный болевой комок, Бостридж, отрицая какое бы то ни было щеголяние вокалом, влетает в замысловатые пассажи (выбран самый виртуозный вариант арии!) предельное отчаяние. Удивительно меняется голос Бостриджа, когда deus ex machina дарует благополучное разрешение конфликта: тембр насыщается солнечным блеском, переизбытком радости, и

оптимистические возгласы финала выглядят отнюдь не ходульными.

Партнеры Бостриджа, молодые певицы — француженка Софи Кох, австрийка Гения Кюмайер и швейцарка Юлиане Банзе — не ударили в грязь лицом: моцартовское пение для них означало также не просто тонкое музицирование, но глубокое, с полной самоотдачей, погружение в смысл роли. Отрадно, что в концерте принял участие россиянин — воспитанник Мариинского театра Даниил Штода, который, впрочем, блеснув красотой голоса и тщательностью пения, не дал себе труда войти в заботы своего героя — Арбака, воспитателя царского сына.

“Заиду” исполнили ближе к концу фестиваля, и на ее интерпретацию были брошены тоже лучшие силы — достаточно назвать легендарный ансамбль старинных инструментов венский Concentus musicus во главе с великим Николаусом Арнонкур. Прямые, резкие, жесткие тембры играли необычайно выигрышно на фоне обычного для Арнонкура пристально-го вглядывания в нутро героев и сюжета. В обрамлении четырех отличнейших певцов — теноров Михаэля Шаде и Рудольфа Шашинга и басов Маттиаса Гёрне и Франца Хавлаты — особенно пленительным оказалось высокое сопрано Дианы Дамрау — бесподобной Заиды. Главная шлягерная ария “Заиды” “Ruhe sanft” с ее любовно-убаюкивающей кантиленой и ювелирно-отточными украшениями заставила публику поистине затаять дыхание. Вообще, слушая певцов Моцартовской недели (добавлю к упомянутым еще и блестя-

щую Кристину Шефер), можно было с полным правом признать, что моцартовское пение вышло на новые рубежи и, как щедрое море, выкатилось на берега целую гвардию мастеров своего дела.

В промежутке между двумя этими “столбовыми” концертами было много интересного. Но случались и неудачи. Молодой французский дирижер Филипп Жордан, например, отчаянно жестикулировал, приседал, подпрыгивал, не щадя самого себя, а оркестранты Венской филармонии (те еще штучки!) играли, не поднимая головы от пультов, тем самым полностью отрицая дирижерские потуги. Обладая своим неподражаемым “саундом”, филармоник делал своего, теперь уже несколько старомодного Моцарта. А вот матерый индиец Зубин Мета оказывался для венцев бульшим авторитетом, и под его спокойным напором знаменитый оркестр производил нечто добротное, насыщенное нюансами, красивое и значимое.

Непременный участник зальцбургских празднеств — Йдон Кремер. В пышно украшенном большом зале “Моцартеума” знаменитый скрипач мощным порывом повел за собой оркестр в ля-мажорном концерте Моцарта, и невероятный драйв этой водопадной, брызжущей здоровьем, магической музыки назлектризовал зал. Другой солист концерта — зальцбуржец Томас Цезтайр — сыграл ремажорный концерт своего великого земляка не менее блестяще. Оба скрипичных таланта соединились в звуке, давая рождение новому сочинению Йи Канчели “Сумерки” (для двух скрипок, струнного оркестра и

синтезатора), в котором великий грузин применил свою звуковую парадигму в новом, особенно щемящем качестве, когда грусть и скорбь становятся резервуаром вселенской неприкаянности. Композитор удостоился долгой единодушной овации.

Много оркестров, много звезд, много триумфов музыки — таков итог 50-й Моцартовской недели. Но, по сути своей, она стала лишь предварением всеобъемлющих празднеств 2006 года. Они начнутся в Зальцбурге уже 1 января, когда Камерный оркестр Европы под руководством изощренного Марка Минковского исполнит в Большом зале Фестшпиляхауса “Моцарта и Сальери” Пушкина и Римского-Корсакова и 41-ю симфонию Моцарта “Юпитер”. Моцартовская неделя-2006 ознаменуется небывало мощной атакой звезд и достигнет апогея в день рождения зальцбургского гения, 27 января, когда в двух концертах перед публикой предстанут такие первейшие знаменитости, как Николаус Арнонкур и Риккардо Мути, Томас Хэмпсон и Рене Флеминг, Йдон Кремер и Юрий Башмет. Летний Зальцбургский фестиваль предложит сенсацию — на протяжении месяца будут исполнены все 22 сценических произведения Моцарта! Вена тоже не останется в стороне — “Театр ан дер Вин”, ставший наконец оперным театром, покажет в течение сезона 12 опер Моцарта. Можно не сомневаться, что и другие города Австрии не ударят в грязь лицом.

Алексей ПАРИН
Зальцбург — Москва

Моцарт В. А.
02.03.05